

Кто такие мирмидонцы?

Н. В. Брагинская
(Москва)

Знаменитый Каталог кораблей в «Илиаде» – «ее наименее художественная» часть, вместе с тем он неизменно концентрирует на себе внимание гомероведения. Мы обращаемся здесь к вопросу как будто решенному. Если судить по научной литературе, справочникам и словарям, нет никакой загадки в том, кто такие мирмидонцы. Мирмидонцы – племя, или, как еще пишут, «гомеровский народ», один из подвластных Ахиллу; мирмидонцы пришли с ним под Трою и там воевали. Сообщается об этом в Каталоге: «*Все те, кто населял Пеласгический Аргос, и те, кто в Але, и те, кто в Алопе, и те, кто в Трахине обитал, и те, кто владел Фтией и Элладою, славной прекрасными женами, мирмидонцы звались, и эллины, и ахейцы, сих пятидесяти кораблей воздем был Ахиллес*» (П. 2. 682–684). Мы беремся доказать, что мирмидонцы – не этнос и что текст эпоса не подает мирмидонцев как этнос. Эпос воспринимает и подает мирмидонцев как людей *определенного рода*, тогда как в тексте поэмы сохранились следы образа мирмидонцев как мифологических существ.

В нашем анализе мы минимально прибегаем к обширной гомероведческой литературе, основываясь прежде всего на анализе самого текста поэмы. Однако наши выводы и наблюдения были предварены несколькими строками в небольшой заметке Кречмера¹, которую мы в своем месте процитируем, так же как исследованием Х. Хоммеля, посвященным Ахиллу-богу².

Надо сказать, что в секции Каталога³, которая сообщает о войске Ахилла, много особенностей, отличающих ее от остальных. Инверсивный синтаксис, аграмматизм, объяснимый лишь отсылкой к началу Каталога⁴, уникальное построение⁵. Словом, в секции Ахилла все «не так», но прежде всего наше внимание останавливает перечисление *трех* племен. В тех десяти случаях в Каталоге, когда этнический состав войска передается не описательно, а с помощью названия этноса, это всегда один этнос. Иначе в Каталоге обстоит дело только с энианами и перребами, населяющими разные территории, но ведомыми одним Гунеем. Но, как мы показывали в другой работе, первоначально в тексте Каталога существовали *две отдельные* гегемонии эниан и перребов и *две отдельные* секции, слитые затем в одну ради достижения симметричной композиции самого Каталога⁶.

Итак, только у Ахилла, кроме *мирмидонцев*, еще два племени – *ахейцы и эллины*. Действительно, считается, что и «ахейцы» выступают здесь не как общее название для всех греческих племен, а в узком смысле – как имя племени, населявшего крохотную область на юге Фессалии, и «эллины» здесь –

не позднейшее общее название для греков, а обозначение жителей первоначальной Эллады в Пеласгическом Аргосе. Когда еще в каком-либо месте у Гомера хотят видеть в *ахейцах* или *Ахеиде* фессалийское племя и фессалийский топоним, то такую возможность непременно подкрепляют ссылкой на наше место. Но ни одно из прочих упоминаний в «Илиаде» ахейцев или Ахеиды не требует с необходимостью такого узкого понимания (хотя оно и не исключается однозначно).

Рассмотрим сначала упоминания Ахеиды в поэме, чтобы решить, что говорит в пользу юга Фессалии, а не в пользу неопределенно-размытого обозначения Греции вообще или северозападной части Пелопоннеса, которая также именовалась Ахеидой. Нестор говорит: «Увы, великое бедствие посещает землю Ахеиду!» (7. 124). Нестор произносит эту фразу, когда ни один из ахейцев не выходит на поединок с Гектором, и продолжает: «Громко восплачет Пелей, старец, коней погоняльщик, превосходный советчик и вития мирмидонцев». Дело в том, что старый Пелей радовался и гордился, когда Нестор перечислял ему, сколь славные воины отправляются под Троию, и вот теперь он будет разочарован. Здесь есть возможность понять Ахеиду географически и, так сказать, «пеласгически», потому что Пелей находится в этих краях, но параллельное место эту возможность отнимает. Ту же формулу о беде, приходящей в землю Ахеиду, Нестор произносит ранее, когда происходит знаменитая ссора между Агамемноном и Ахиллом (1. 254), и предполагать здесь географически Пеласгический Аргос тем более трудно, что Ахеида едва ли вообще должна пониматься здесь географически и пространственно: ведь все участники событий находятся под Троей. Слова о беде или горе, приходящем на землю Ахеиду, означают примерно «горе нам, ахейцам!» И в одном случае следом говорится, как возрадуются троянцы ссоре и раздору ахейских вождей, а в параллельном – как восплачет Пелей о трусости ахейских воинов. Географическое прочтение здесь не только не обязательно, но даже и искусственно. Ахеида-земля – это родина, все «наши», воины под Троей, и все, кто остался дома и разделяет с ними их беды.

Еще в одном случае может показаться, что Ахеида связана с Пелеем, а следовательно, и с Ахиллом, в смысле Пеласгической Ахеиды. Нестор говорит, что собирает рать по *Ахеиде*, и говорит это, когда находится у Пелея. Однако собирает он рать не только во владениях Пелея, а по всей земле (11. 770). Так что сужать смысл *Ахеиды* не обязательно. Дважды, и снова в формуле, Ахеида «прекрасноженная» выступает в паре с «конепастбищным» Аргосом (3. 75; 258); речь здесь идет о возможном отплытии всех ахейцев домой – в *Аргос и Ахеиду*. Самое неестественное предполагать в этом случае пару из Пеласгического Аргоса и фессалийской Ахеиды, потому что второе входит в первое; самое простое – видеть здесь обозначение родины прежде всего вождей ахейцев, которая трижды в «Илиаде» именуется ахейским Аргосом, причем дважды в контексте возвращения домой после войны под Троей (9. 141; 283, ср.

19. 115). Еще Страбон (8. 8. 5), разбирая значение Аргоса у Гомера, в двух случаях отождествляет Аргос со Спартой (II. 4. 52, 2. 559), в четырех – с Пелопоннесом (II. 1. 30, 9. 141; Od. 3. 251, 18. 245), в одном – с Фессалией (это наш «Пеласгический Аргос» из Каталога, II. 2. 681), а в остальных случаях Аргос тождествен Греции в целом. Таким образом, возвращение в *Аргос* и *Ахеиду* – это вариант возвращения в *ахейский Аргос*. Самое безопасное видеть в этой паре такое же неточное общее описание всей европейской области расселения греческих племен, которое в «Одиссее» передается другой парой: *Эллада* и *средний* (μέσον) *Аргос* (Od. I. 340, 15. 80). Если же говорить о значении *Ахеиды* в «Одиссее», то без сомнений: *Ахеида* обозначает область расселения европейских (не малоазийских) греков, ведь возвращение на Итаку означает для Одиссея возвращение в Ахеиду (Od. 11. 166; 481, 23. 68).

Не надо объяснять, что многочисленные упоминания *ахейцев* в «Илиаде» – это упоминания воинов-греков в противоположность троянцам, а никак не жителей северной фессалийской Ахеиды. Правда, редкое в поэме о ратных подвигах слово *ахейянки* применено именно к жительницам фессалийской Эллады и Фтии (II. 9. 395), но и это еще не мешает видеть в данном термине общее обозначение греческих женщин. Локальным именем для них скорее было бы соответственно *эллинки*, *фтийки* (или *фтиотийки*). Феникс (по «Илиаде», он живет в фессалийской Элладе: 9. 447) боится прослыть отцеубийцею у *ахейцев* (9. 461) и бежит через Элладу во Фтию (9. 478–9). Нет оснований считать, что страх Феникса столь избирателен и он имеет в виду исключительно жителей крошечной фессалийской Ахеиды, тем более, что он бежит в область, населенную *ахейцами* в узком смысле слова.

А что же «эллины»? А эллины упоминаются в «Илиаде» вообще только один раз – в нашем фрагменте. За его пределами четыре упоминания *Эллады* и одно – *панэллинов* (2. 530). Феникс покидает родную Элладу и бежит через ее равнины в соседнюю Фтию (9. 447; 478), один из мирмидонцев – Бафикл – жил в Элладе (16. 595), в Элладе и Фтии есть много прекрасных ахейянок (9. 395). Все эти *Эллады* обозначают область в Пеласгическом Аргосе, в Фессалии. Это подчеркивается и повторением пары Эллада и Фтия (2. 683, 9. 395; 479). Когда, беседуя с Одиссеем в Аиде, Ахилл хочет назвать домен старца Пелея, он тоже называет Элладу в паре со Фтией (Od. 11. 496). Итак, *эллинов*, шедших за Ахиллом, можно рассматривать как жителей фессалийской «первоначальной» Эллады.

Что же касается *панэллинов*, то этот термин появляется в «Илиаде» в паре с *ахейцами* и в таком контексте, который говорит скорее не о древнем названии определенного племени, а о влиянии языка, современного позднему этапу оформления поэмы, в котором «панэллинский» применялось ко всегреческим играм. Ведь сообщается, что Аякс Оилид – *наилучший копьеметатель меж панэллинов и ахейцев* (2. 530). Если учесть к тому же, что сам Аякс Оилид –

локр, то считать здесь *панэллинов и ахейцев* фессалийскими племенами, как это делается в описании войска Ахилла для эллинов и ахейцев, уже никак невозможно. Пусть даже строка аутентична (а есть основания и сомневаться в ее происхождении), тогда *панэллины и ахейцы*, в ней помянутые, – это вообще все греки, а выражено это для верности сразу двумя способами – более архаичным – *ахейцы* – и более новым – *панэллины*, плеонастически дублирующими друг друга, причем второй термин построен по модели гомеровского слова *панахейцы*, что тождественно слову *ахейцы*, но с подчеркнутым отнесением ко всем греческим племенам. Для сомнения же в этой строке основания дает хотя бы Фукидид. Рассуждая о позднем появлении имени «эллины» как общего обозначения греков, он ссылается на Гомера так, будто строки о панэллинах не существует: «Ведь Гомер, хотя он жил гораздо позже Троянской войны, нигде не обозначает все племена одним общим именем эллинов и никого так не называет, кроме воинов дружины Ахиллеса из Фтиотиды – они-то и были первыми эллинами. Остальных же Гомер в своих поэмах именует данайцами, аргивянами или ахейцами» (Thuc. 1. 3). Это подтверждает у Страбона Аполлодор, когда сообщает, что у Гомера только фессалийцы именовались *эллинами* (приводится стих о войске Ахилла), но уже Архилох и Гесиод используют *панэллины* как общее обозначение греков (Strabo 8. 6. 6, 370, ср. Arch. fr. 54 Diehl, Hesiod. Op. 528, fr. 32 Flach).

Таким образом, получается, что строка про три племена, которые вел Ахиллес, строка, где поставлены в ряд *ахейцы, эллины и мирмидонцы*, и есть решающее место в «Илиаде», чтобы вообще говорить о существовании в гомеровском мире фессалийских ахейцев в узком смысле слова, в отличие от ахейцев в широком смысле. В то же время само историческое существование особых северных ахейцев засвидетельствовано Геродотом, который упоминает *фтиотийских ахейцев* (Hdt. 7. 132) и *ахейцев*, живших в Фессалии (7. 185), а фессалийская Ахея упоминается им наряду с пелопоннесской (7. 94 и 7. 196-198). Но значит ли это, что и у Гомера в Ахилловой секции Каталога тоже идет речь о фессалийских ахейцах, а не о греках вообще?

Интересно, что Страбон, рассказывая, по Гомеру, кто участвовал вместе с Ахиллом в Троянском походе, цитирует стих с упоминанием мирмидонцев не до конца: Ἐλλήνας: "Μυρμιδόνες δὲ καλεῦντο καὶ Ἐλληνες." (звались *мирмидоняне и эллины*); он опускает καὶ Ἀχαιοί (и ахейцы) (8. 6. 5, 370). Впрочем в другом месте (9. 5. 5, 430) Страбон приводит стих полностью. Почему же цитата оборвана? Видимо Страбон потому может опустить слова «и ахейцы», что, по его мнению, *ахейцами* в то время звались все *фтиотийцы* (9.5.9, 433). Однако употребленный Страбоном термин *фтиотийцы* анахронистичен, у Гомера его нет, а значит, прибегнув к нему, Страбон ничего не проясняет. Если ахейцы и фтиотийцы – одно и то же, то как они отличаются от мирмидонцев, живших во Фтии, и эллинов фессалийской Эллады, чья территория также входила в пределы того географического пространства,

которое Страбон называет Ахейской Фтиотидой? Если я права и ахейцы в этой «решающей» строке Каталога тоже не особое племя, а общее название, то зачем вообще оно здесь? Ведь в Каталоге надо сказать о племени (племенах), шедших именно за Ахиллесом. Зачем же ставить в один ряд действительные этнонимы и общее для разных племен имя, обозначающее вообще всех греков? Получается, что с Ахиллом шли два племени – мирмидоняне и эллины, а также вообще ахейцы? Странная группа.

Когда за пределами Каталога в «Илиаде» заходит речь об Ахиллесовом войске, упоминаются мирмидонцы и больше никто. Ни эллинами, ни ахейцами войско не называется, между тем как другие войска-народы имеют систематическое обозначение посредством множественного числа этнонима: ликийцы, беотийцы и т. п. Итак, отплыли с Ахиллесом и мирмидоняне, и эллины, и ахейцы, а под Троей оказались одни мирмидоняне. Куда же подевались ахейцы и эллины?

Оставим пока этот вопрос без ответа и посмотрим на третий «народ» – на мирмидонцев. В историческое время такого племени не существовало. О происхождении этого «народа» существуют различные умозрительные версии поздних писателей. Так, Страбон, рассказывая легенду о том, что Эак привел с собой в пустынную Фессалию население с Эгины, утверждает, что мирмидоняне – это все, подвластные Ахиллу и Патроклу (?? – Н.Б.), кто последовал за Пелеем при его бегстве с Эгины (9. 5. 9, 433); Аполлоний Родосский (Apol. Rh. 4. 1772) уравнивает эгинетов и мирмидонян, Стефан Византийский – Эгину и страну Мирмидонию (ни у Гомера, ни у других ранних авторов Мирмидонии нет). Филострат Флавий избирает иной путь, снимающий многие противоречия: он заявляет, что мирмидонянами были названы все фессалийцы (Phil. Heroic. 33, 22 = 180 Kayser). На наследство мирмидонян претендовали эниане (Scymn. 616 sq.), а по Гелиодору (Hel. Aith. 2. 34), они утверждали, что и Ахилл был энианин, фтиотийцы же обманно присвоили себе славу эниан-мирмидонцев.

Таким образом, мы видим еще в античности тенденцию обнаруживать в мирмидонцах какое-то другое племя. Может быть, из самой «Илиады» мы можем узнать что-то о происхождении воинов Ахилла?

Поименно нам известно около десятка мирмидонцев. Из особого Каталога мирмидонских вождей (II. 16. 173–197) мы знаем имена Менесфея, Евдора и Писандра, из Каталога и помимо Каталога знаем Феникса, возницу Алкимедона (он же, видимо, Алким – сокращенная форма имени Алкимедон), возницу Автомедона. Мы знаем также Патрокла и еще двух воинов, чьи имена возникают из небытия только в момент их гибели, – Бафикла и Эпигея. Мы можем предполагать далее, что мирмидонцами являются Пелей и Ахиллес, что отцы известных нам мирмидонцев, например отец Патрокла Менетий, тоже мирмидонцы. И еще Гермес выдает себя Приаму за одного из мирмидонцев, называя не собственное свое имя, а лишь имя своего отца (Поликтор) (24. 397).

Кто же они, эти люди? какого роду-племени? где их милая родина? Мы знаем, что шедшие с Ахиллом воины населяли Алу, Алопу, Трахину, Фтию и Элладу (2. 682-3). Первые три топонима считаются названиями городов. Они упоминаются в «Илиаде» в единственном месте в Каталоге, и жили ли там мирмидонцы, никто сказать не может⁷. Эллада и Фтия явно обозначают не только город, но и местность. Эллада вообще, как мы уже говорили, выступает в паре со Фтией то ли как соседняя область, то ли как область, в которой находится Фтия (например, в том случае, когда через Элладу во Фтию бежит Феникс – 9. 479). Но и Фтия – не вполне город⁸. Долопы живут *на краю* Фтии (9. 484); Фтия, кроме того, обладает тучными нивами, она кормилица мужей, мать скота (1. 155, 9. 363; 479). Все это скорее свойства края, земли, чем города. Несомненно, что Фтия – город ли это или царство – родина Ахилла. Оттуда Ахиллес отправляется на войну, туда он жаждет возвратиться (1. 169, 9. 253; 363; 439, 11. 766), оттуда ждет вестей (16. 13), мечтает о возвращении туда Патрокла с Неоптолемом (19. 330); туда обещал Патрокл отвезти Бризеиду, чтобы вместе с мирмидонцами праздновать ее брак с Ахиллесом (19. 299), во Фтии живет и Пелей, окруженный свитой мирмидонцев (19. 323, Od. II. 496). Ясно, что Фтия – дом Ахилла, Пелея, Патрокла и всех мирмидонцев.

Но в то же время мирмидонцы, о чьем происхождении хоть что-то можно узнать, – пришлые во Фтию, как и сам Пелей. Часто они даже не фессалийцы, как, скажем, Патрокл и отец его Менетий, бежавшие во Фтию из локрийского Опунта (18. 326, 23. 85 сл.). Фессалийцем и эллином, по всей видимости, был Бафикл: он жил в фессалийской Элладе (16. 594). В Элладе, по Гомеру, жил первоначально и Феникс (9. 447). А по другим источникам он был родом из беотийского Ормения, откуда, как сообщает Деметрий Скепсийский, бежал к Пелею; в то же время Кратет, опираясь на «Илиаду» (9. 266), говорит, что отец Феникса жил в Эпеоне на Парнасе, а значит, Феникс – уроженец Фокеи (Strabo, 9. 5. 18, 438). Эпигей жил в Будейоне (II. 16. 570) – городе с неясной локализацией: то ли Беотия, то ли Фессалия, то ли Эпир. Евдор и Менесфий были подобно Ахиллу полубогами, детьми богов и смертных женщин, имевших, однако, и смертных мужей. Отец Евдора – Гермес, мать – дочь Филанта, который и вырастил его у себя в чертогах, т. е. в феспротийской Эфире, а земным отцом его, супругом Филантовой дочери Полимелы был Эхеклес, сын локрийца Актора (16. 191 сл.). Отец Менесфия – бог реки Сперхий, мать – дочь Пелея Полидора (16. 173 сл.), так что полубог Менесфий – внук Пелея и родич Ахилла. Гомер сообщает и о неведомом Боре Периериде, земном муже Полидоры и, по молве, отце Менесфия. В общем, говорить о племенной принадлежности этих полубогов как-то неудобно. Алкимедон/Алким причисляется к ахейцам, но явно в общем смысле слова⁹, наконец, Алкимедон – внук Гемона, о котором ничего неизвестно, кроме того, что другой Гемонид «Илиады» – Меон – был фиванцем (4. 296); Автомедон был сыном Диора, Диор, фигурирующий в «Илиаде» (правда, вне всякой связи с

Автомедоном), – элидянин (2. 622, 17. 429; 474). Таким образом, из тех мирмидонцев, чье происхождение можно связать с какой-либо местностью, нет ни одного уроженца Фтии и только один – определенно фессалийский эллин (Бафикл).

Пелей и Ахилл ни разу не названы мирмидонцами, более того, будучи с ними тесно связаны, они им и противопоставлены. Пелей и Ахилл – ἀνάκτες мирмидонцев, те, кто ἀνάσσει – *предводительствуют* (1. 180, 21. 188, 24. 449; 536). Ἄναξ – военный вождь, предводитель и в силу этого – «царь». Военные коннотации термина достаточно сильны, чтобы глагол ἀνάσσειν не мог применяться к владычице, «царице». Но военный вождь не обязательно является племенным царем, происходящим из родовой знати. Во всяком случае Пелей в Фессалии пришлый. По Аполлодору, Пелей убивает брата Фока и изгоняется Эаком с Эгины во Фтию к Евритиону; там он убивает Евритиона и бежит в Иолк к Акасту; Акаст в свою очередь изгоняет его, подозревая в попытке соблазнить его жену (Apoll. III 12, 6–13).

Известные мифы о племени, сотворенном Зевсом из муравьев-мирмеков, чтобы заселить ими безлюдную Фессалию, или о том, как для заселения пустынной Фессалии Пелей привел с Эгины, где сам был пришелец, отряды жителей, – эти мифы (о них речь впереди) показывают выделенность Пелея из его свиты, спутников, «народа». Пелей, по словам Нестора, «превосходный мирмидонянин советник (βουλευφόρος) и вития (ἀγορητής)» (II. VII, 126). *Лучшим из мирмидонцев* назван Патрокл, а не Ахиллес: «Мне предсказала мать, – говорит Ахиллес, – что при моей жизни от рук троянцев лучший из мирмидонцев лишится солнечного света» (18. 10). Об Ахилле же сказано, что он ἄριστος (лучший) воин в более широкой общности – среди греков вообще – ахейцев и аргиев (I. 244, 16. 272; 274, 18. 105), причем ясно, что здесь ахейцы и аргиевляне – суть общие обозначения греков, а особый «этнос» Ахилла не обозначен. И наконец: «Хочешь ли ты что-то сказать мирмидонцам или мне?» – спрашивает Ахилл Патрокла (16. 12), тем самым выделяя себя из мирмидонцев.

Дивно и то, что *фтийцы*, или *фтияне* у Гомера – это не мирмидонцы, которые владеют Фтией, и вообще не то племя, что подвластно Ахиллу, а население территории, находящейся под властью другого вождя – Протесилая, затем Подарка и Филоктета, а еще позднее – Ладона (ср. II. 2. 695–728, 13. 686–700, Schol. II. 13. 686, Eusth., II. 934, 53, Ammon. 142 sq.). Уже древние пытались отличить подданных Протесилая и Филоктета от подданных Пелея и Ахиллеса, именуя последних *фтиотами*, но гомеровский эпос такого этнонима не знает. Можно, конечно, предположить, что *фтийцы* – общее название для насельников большого региона, включающего все три царства – и Ахиллесово, и Протесилаево, и Филоктетово. Страбон, который только и делает, что выпрастывается из силков, расставленных Гомеровской географией, так и поступает (9.5.7, 432). Он объявляет фтийцев подвластными всем трем вождям

и отождествляет их с ахейцами (видимо, ахейцами Пеласгического Аргоса). Однако Гомер все-таки называет воинов Ахиллеса мирмидонцами, а воинов Протесилая и Филоктета – фтийцами. И с этим ничего не поделаешь.

Что же еще мы знаем о мирмидонцах и чего не знаем? Мы не знаем ни одного мирмидонца, кроме тех, кто является воинами Ахиллеса или входит в свиту Пелея. Мы не знаем ни одной мирмидонянки, ни одного ребенка или старика мирмидонского племени. Когда заходит речь о выборе жены для Ахиллеса из женщин, живущих во Фтии и в Элладе, то это не дочери мирмидонцев, не мирмидонянки, а ахейки. Таким образом, и во Фтии и в Элладе живут женщины-ахейки (II. 9. 395) и мужчины воинского возраста – мирмидонцы. Не только нет в «Илиаде» женщин, стариков и детей мирмидонцев, нет и единственного числа *мирмидонец*. Последнее не так уж и странно. И *ликийцы*, и *ахейцы*, и *беотийцы*, и другие этнонимы встречаются в поэме только во множественном числе, потому что в войне участвуют воинства, собранные на определенной территории, и дружины соплеменников. Однако и за пределами гомеровского эпоса, во всей классической традиции мы находим упоминания только множественного числа – *мирмидонцы* и никаких мирмидонцев, кроме воинов Ахилла. Правда, во многих изданиях «Ифигении в Авлиде» Еврипида мы встречаем *Ареса-мирмидонца* как парафрастическое описание Ахилла (ὁ Μυρμιδῶν ἄρῆς: 236) и *войско-мирмидонец* (т. е. мирмидонское войско: στρατὸς δὲ Μυρμιδῶν: 1352). Но оказывается, что это эмендации издателей Еврипида (соответственно: Hermann и Elmsley), тогда как в рукописях Еврипида – только множественное число: ὁ Μυρμιδῶν ἄρῆς – *Арес мирмидонцев* и στρατὸς Μυρμιδῶν – *войско мирмидонцев*.

В поздних источниках рассказывается о некоем Мирмидоне, чье имя мыслится единственным числом от Μυρμιδῶνες. Эта мифологически чрезвычайно бледная, чисто генеалогическая фигура явно была «достроена» задним числом. По аналогии с Эолом и Ионом, родоначальниками эолийцев и ионийцев, и мирмидонцам был «дан» свой родоначальник и герой-эпоним (Hellan. FHG. I. 8, 17). Диодор (Diod. IV. 72, 6) делает Мирмидона отцом бездетного Актора, к которому приходит изгнанник Пелей и получает царство Мирмидона-Актора в наследство (ср. Apoll. I. 7, 3). Происхождение этого Мирмидона естественно связывали с Фтией (Apoll. Rh. I. 55), однако поздняя мифологическая спекуляция привязывает его также к Коринфу и к Аркадии (RE s. v. Μυρμηξ, S. 1107), что никак не проясняет для нас этнический и территориальный статус мирмидонцев. Запомним, что если исключить этого искусственного и позднего Мирмидона, мирмидоны, т. е. в русской традиции *мирмидонцы* или *мирмидоняне*, по-гречески бывают только во множественном числе.

Любопытно, как оказались во Фтии те мирмидонцы, чья судьба нам до какой-то степени известна. Оказывается, они – изгнанники, причем совершают

они примерно те же преступления, что и царь Пелей, отец Ахиллеса (Apoll. III. 12. 6–13). Как Пелей во время состязания убивает брата Фока и бежит во Фтию, так Патрокл убивает своего друга Клитонима, играя в бабки, и бежит вместе с отцом (II. 23. 85, Apoll. III. 13, 8); как Пелей убивает теперь уже своего гостеприимца Евритиона и бежит в Иолк, так Эпигей убивает благородного родича и бежит во Фтию (II. 16. 574); как Пелея пытается соблазнить жена его нового гостеприимца Акаста, а затем клеветает на него и он снова изгнанником приходит во Фтию, так и история Феникса – это женские ревнивые козни и изгнание под угрозой смерти. Феникс тоже прибывает во Фтию. И вот все такие изгнанники отправляются в поход на Троию и становятся самой свирепой силой ахейцев. Эпитет их – «браннолюбивые». Фтия не родина их, но их «дом», Пелей и Ахилл не соплеменники их, но вожди, сами они, как и царь Пелей, – пришлые. Страбон обобщил эту картину, сказав, что все племя мирмидонцев – племя изгнанников, ведь, по его мнению, так звались те эгинеты, которые последовали за Пелеем в изгнание (см. выше).

Мирмидонцев в «Илиаде» называют еще двумя терминами: Ἐταῖροι и θεράποντες, т. е. они – *друзинники* Ахиллеса, его *слуги* и *спутники* (II. 1. 180, 16. 269–270, 23. 4–10, 16. 272, 19. 278 сл., 24. 396-7). Обращаются к мирмидонцам так: «Мирмидонцы, ἔταῖροι!»¹⁰. Их единство обеспечено связью с вождем, они не одного племени, в отличие от беотийцев и ликийцев эпоса, которым соответствовали исторические беотийцы и ликийцы. Когда эпос говорит *λαός мирмидонцев* (II. 11. 797, 16. 39), то здесь, как и в других случаях у Гомера, *λαός* обозначает не «народ», а отряд, ведь *λαοί* – это рядовые в противопоставлении начальнику (Chantraine, p. 619).

Вероятно, в дружинах Пелея и Ахилла – а Пелей упоминается в «Илиаде» (в речах Патрокла) всякий раз «со своими мирмидонцами», в их окружении, со свитой этих молодцов – были не только беглые опунтийские локры, преступники и изгнанники, но и жители окрестных мест. Скажем, Бафикл и Феникс происходили из Эллады, это были эллины (в древнем узком смысле слова) и ахейцы (в широком).

Я полагаю, что καὶ в строке: Μυρμιδόνες δὲ καλεῖντο καὶ Ἑλληνας καὶ Ἀχαιοί – вовсе не обязательно имеет обычное значение «и». Очень часто καὶ указывает на уточнение первого термина через последующие. Тогда мы читаем в Каталоге: «Ахиллес вел всех тех, кто звались мирмидонцами, т. е. эллинов и ахейцев» или: «Ахиллес вел всех тех, кого звали мирмидонцами, как эллинов так и ахейцев».

Эллины и ахейцы – это этнический состав дружины из местных жителей (эллины) и пришлых (ахейцы), но термин *мирмидонцы*, обозначающий самих дружинников в этом их качестве, был воспринят позднейшей традицией как этноним, а в переводах «*λαός мирмидонцев*» (II. 11. 797, 16. 39) превратился из

«отряда мирмидонцев» в «народ мирмидонцев». Точно так же Пелея и Ахилла традиция стала воспринимать как наследственных басилевсов (Eur. Andr. 22), тогда как в «Илиаде» и Ахиллес, и Пелей правят одновременно и совместно как «анаксы», военные вожди, «князья», а не престолонаследующие цари в стабильной монархии.

Отдельный и особый вопрос, почему дружина, в которой много было таких же чужеземцев, как вождь, с такою же судьбою изгнанников, а потому связанная со своим предводителем теснее, чем воинство автохтонов, почему она звалась «мирмидонцы». Эпос ничего об этом не сообщает и, быть может, не знает. Но как бы то ни было! Ни в одном месте Гомер не дает оснований однозначно понимать мирмидонцев как народ, как племя.

* * *

Существует несколько античных преданий, связывающих имя *мирмидонцы* с муравьями-мирмеками либо через имя родоначальника Мирмидона (см., например, Schol. Pind. Nem. III. 21, Schol. Lyc. 176), либо непосредственно.

1. Мирмидонцы – это муравьи, по просьбе царя Эака превращенные Зевсом в людей, после того как чума опустошила остров Эгину (Hesiod. fr. 93 Flach, Apoll. III. 12. 6, Schol. Pind. Nem. III. 21, Schol. II. 180, Tz. Lyc. 176, Nonn. XIII. 209 sq., Ovid. Met. VII. 469 sqq., Strabo. 8. 6. 16, 375, Hyg. fab. 52, Etym. Magn. 596, 5 sq., Serv. Ad Aen. II. 7, «Мирмеколюди» – название комедии Ферекрата, Athen. VI. 229 a). 2. Мирмекс-Муравей – имя девушки, спорившей с Афиной о чести изобретения части плуга; она была превращена разгневанной богиней в муравья (так же как соперница в ткачестве Арахна-Паук была превращена в паука); Зевс превратил Мирмекс, а заодно и «настоящих» муравьев в людей и заселил ими пустынную в древние времена Фессалию (Serv. Ad Aen. IV. 402). 3. В облике муравья-мирмека Зевс сошелся с Евримедузой и породил родоначальника мирмидонцев – Мирмидона (Clem. Protr. p. 34 P, Arnob. IV. 26, Isid. Orig. IX. 2, 75, ср. Orph. Arg. 133 sq.). 4. Некий Мирмекс в образе Зевса сошелся с Евримедузой и породил Мирмидона (Schol. Clem. Al. Protr. p. 34 P = I. 426 Dind.).

Достраивали этого Мирмидона разными способами, но все они равноправны в своей вторичности: уже имеющимся в традиции мирмидонцам присочинен предок. Попытки же возвести имя мирмидонцев непосредственно к муравьям-мирмекам (см. Strabo, 8. 6. 16, 375, Eusth. ad Dion. Per. p. 95 Huds.) с лингвистической точки зрения не успешны: имя муравьиного народа должно было звучать мирмеконцы, а не мирмидонцы. И тем не менее, этимологическая сказка не такая уж ложь. Чтобы понять ее «намеки», нужно сопоставить рационалистические версии, пытающиеся объяснить миф о превращении

муравьев в людей, мифы о подобных муравьям перволюдях и, наконец, греческие сказки о муравьином народе.

Итак, описывая почву Эгины, сверху каменистую, а в глубине глинистую, Страбон говорит о бедной растительности, но хороших урожаях ячменя и тут, в этом контексте, добавляет, что миф о муравьях, превращенных в людей, – ошибка. Эгинетов, оказывается, потому называли мирмидонцами, что они, подобно муравьям-мирмекам, копая землю, добывали хорошую почву и разбрасывали по поверхности, а сами жили в ямах, скупясь на кирпичи (Strabo 8. 6. 16, 375). О жизни эгинетов в норах сообщает и Феаген (Theag. FHG IV. 511, 17; ср. Schol. Pind. Nem. III. 21, Tz. Lyc. 176). За это их звали муравьями-мирмеками, а Эак был для них культурным героем, который научил их человеческой жизни, «вывел в люди» из-под земли.

Просвещение людей одновременно с выведением их из подземных жилищ и уподобление их муравьям не может не напомнить рассказ Прометей (Aisch. Prom. 439 sqq.). Люди, которых Прометей пожалел и научил всем искусствам, «жили в бессолнечных закутах пещер, подобно легким, как дуновение, (ἀήσυροι) муравьям». У Эсхила, как в мифе и в сказке, первоначальное состояние мира описывается в терминах иного, «того» света. Прометеевы «люди» не обладают разумом, они и глядя не видят, как слепые, и слушая не слышат, подобно глухим, они похожи на образы сновидений и проводят долгую жизнь, не умея строить ни каменных, ни деревянных жилищ. Вот откуда нелепая экономия кирпича у Страбоновых эгинетов, зарывавшихся в землю! Бессолнечные глубины пещер и подобные дуновениям существа, без слуха и зренья, живущие «долгую» (т. е. вечную) жизнь, напоминают о традиционных жалобах эпитафий на расставание со светом солнца, о загробных жителях – тенях снов, о противопоставлении краткой жизни на земле долгой, нескончаемой «жизни» в преисподней. «Просвещение» первобытных людей и выведение их к свету из-под земли – одна из транскрипций известного антропогенного мифа, согласно которому Прометей не выводит хтонических перволюдей из земли, а создает их – лепит из глины. Две версии – о сотворении людей из земли и выведении их из земли, связанные с Прометеем, находят свою полную параллель в такой же паре, связанной с Эаком: либо по его мольбе после гибели людского племени Зевс создает из муравьев новое, либо сам Эак просвещает подобных муравьям диких людей, делая их собственно людьми. Муравьи функционально выполняют роль подземных, хтонических, существ – «душ» до их вселения в людей.

В мировом фольклоре подземные демоны, хтонические народцы гномов и троллей связаны с металлами, они бывают хранителями сокровищ, прежде всего золота. Интересны в связи с этим следы античных (имеющих восточные параллели) легенд о муравьином народе. Легенда об индийских муравьях величиной «почти с собаку, но меньше лисицы», которые подобно обычным для

Греции муравьям закапывались в землю, а на поверхность выбрасывали золотиносный песок, известна уже Геродоту (Hdt. 3. 102, ср. Strabo 2. 1. 9). Люди нападали на муравьев, чтобы отнять золото, а те пускались за ними в погоню. Особенно красочно эти храбрые звери-насекомые описаны у Диона Хрисостома (Dion. XXXV. 23). Земля, где живут муравьи, вся сияет золотом и горами золотой пыли, так что тот, кто захочет воровать золото днем, рискует ослепнуть. Муравьи гонятся за ворами и либо гибнут сами, либо убивают грабителей. Дион отмечает их отвагу и воинственность. Следы аналогичной легенды сохранились и в Аттике. Грамматик Гарпократион (Harpos. p. 185, 2. Dind.), комментируя аттического комедиографа Евбула (Meineke III. 215), поясняет, что некогда по Афинам распространилась молва о том, что будто бы в Гиметтских горах есть много золотого песка, охраняемого воинственными (μάχιστοι) муравьями. Взявшись за оружие, афиняне отправились в поход, а возвратясь ни с чем, смеялись друг над другом, говоря: «Надеялся хоть золота поплавать!» И в версиях Геродота-Диона и в анекдоте о легковерных афинянах мы видим подвергшееся известной рационализации (при всей его сказочности и фантастичности) представление о воинственных и опасных подземных существах, которые носили имя *мирмеков*. Не кажется невероятным предположение, что отождествление этих хтонических существ с известными насекомыми вторично. Отождествление с муравьями могло происходить именно на путях рационализации. Намек на это содержится, например, в увеличенных размерах легендарных воинственных *мирмеков* «величиной с собаку или лисицу». В то же время аттическая легенда-анекдот извлекает комический эффект как раз из того обстоятельства, что вооруженные афиняне отправились против мирмеков, понятых уже как крохотные насекомые. Можно было бы сказать так: афиняне пошли воевать с подземными демонами, а те оказались (обернулись) простыми муравьями.

Слово «*мирмидонцы*» не является производным от μύρμηξ (муравей), но не случайно многие мифы о муравьях и муравьином народе «подключены» к истории мирмидонцев, к их происхождению. В мифологической перспективе их образы сближаются так же, как сближаются этимологически μύρμηκες и μύρμιδόνες.

Обратимся теперь к внутренней форме слова Μύρμιδόνες. Путь уже намечен Кречмером, который писал: «Μύρμιδών относится к лат. formido [страх, ужас], так же как μύρμηξ к лат. formica [муравей], сюда же относится μύρμος· φόβος, Hesych.» (см. наше примечание 1). Приведя глоссу μύρμος, которая поясняется как *страх* (φόβος), Кречмер делает вывод, что мирмидонцы – это «народ (все-таки «народ»! – Н.Б.) ужасных призраков». Их хтонический характер тем более понятен Кречмеру, что он сопоставляет Фтию с φθίλω – *уничтожаю* и φθίμενοι – *умершие, мертвецы*, и понимает лжетопоним как имя

страны мертвых. Последнее достаточно сомнительно¹¹, но сопоставление $\mu\rho\mu\acute{\iota}\delta\acute{\omega}\nu$ с лат. *formido* и глоссой $\mu\acute{\upsilon}\rho\mu\omicron\varsigma$ мы надеемся развить и дополнить, чтобы обнаружить «изоморфность» семантического поля слов с основой на *mog-*/*myg-* и *mogmyg-* и комплекса мифов о мирмидонцах, хтонических перволюдях и муравьином племени.

Прежде всего следует сказать, что *mog-* и *myg-* это фонетические варианты, а слова с основой на *mogmyg-* получены редупликацией (ср. лат. *mygmyg* – *ворчание, шум*, санскр. *magmaras* – *шуршащий*); формы на *mogm-* или *mygm-* – усеченные варианты этих редупликаций. Мы рассмотрим далее лексемы со всеми этими основами.

Группа слов на *mogmyg-*, и *myg-* связана с бурлящей, кипящей, шумно, быстро движущейся водой, и такие слова встречаются уже у Гомера (II. 5. 599, ср. 21. 325, 18. 403). Сюда же относятся полученные нехитрым перенесением названия различных рыб (Athen. VII. 313 e sq.). Шантрен¹² сравнивает $\mu\omicron\rho\mu\acute{\upsilon}\rho\epsilon\iota\nu$ (*кипеть, бурлить*) с $\mu\acute{\upsilon}\rho\epsilon\iota\nu$ (*течь*) и $\mu\acute{\upsilon}\rho\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ – обычно *лить слезы, печалиться*, но часто *литься, течь* о реках (Luc. 972, Apol. Rh. II. 372); $\acute{\alpha}\lambda\iota\mu\upsilon\rho\acute{\eta}\epsilon\iota\varsigma$ – *море-текущие* говорится о реках, впадающих в море (II. 21. 190, Od. 5. 460), а Аполлоний Родосский (I. 913), «слыша» в гомеровском слове шум кипящей воды, применяет тот же эпитет $\acute{\alpha}\lambda\iota\text{-}\mu\upsilon\rho\acute{\eta}\varsigma$ к скале, о которую разбиваются морские волны. Удвоение *mogmyg*, видимо, имеет усилительный смысл. Гомеровское $\mu\omicron\rho\mu\acute{\upsilon}\rho\epsilon\iota\nu$ Гесихий поясняет так: «возмущение, вскипание пеной, говорится главным образом о реке с сильным течением». $\text{A}\nu\alpha\mu\omicron\rho\mu\acute{\upsilon}\rho\epsilon\sigma\kappa\epsilon$ сказано у Гомера не об обычном течении, а о самой Харибде, когда она уже закружила и всасывает водоворот (Od. 12. 238). О страшном кипенье воды говорит и соответствующий контекст Аполлония Родосского ($\delta\epsilon\iota\nu\acute{\omicron}\nu$ $\mu\omicron\rho\mu\acute{\upsilon}\rho\epsilon\iota\nu$, I. 543). Движение и шум в семантике слов на *mogmyg* синэстетически объединены как *шумное, бурное движение* (ср. $\epsilon\pi\iota\mu\omicron\rho\mu\acute{\upsilon}\rho\omega$ – *шуметь как волна*, Dion. Per. 82), главным образом воды, т. е. объема, лишённого собственного членения на части. Форма $\mu\omicron\rho\mu\acute{\upsilon}\rho\epsilon\iota$ поясняется у Гесихия как «производить шум» ($\rho\omicron\iota\omicron\nu$ $\eta\chi\omicron\nu$ $\acute{\alpha}\rho\omicron\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota$), «смешивать, волновать (воду)», переносно также «пугать» ($\tau\alpha\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\epsilon\iota$), далее «наводнять» ($\rho\lambda\eta\mu\mu\upsilon\rho\epsilon\beta\iota$) и «делать что-то необычным, устрашающим образом» ($\delta\epsilon\iota\nu\omicron\rho\iota\epsilon\iota$); ср. также $\mu\omicron\rho\mu\upsilon\rho\acute{\iota}\zeta\omega$. Переносно слова этой группы обозначают эмоцию, нечто происходящее в душе, в основном – смятение ($\mu\omicron\rho\mu\acute{\upsilon}\rho\epsilon\iota\nu$ $\theta\upsilon\mu\acute{\omega}$, Manerh. 5, 118), возмущение, негодование ($\mu\omicron\rho\mu\acute{\upsilon}\sigma\sigma\epsilon\sigma\theta\alpha\iota$ $\epsilon\mu\beta\rho\iota\mu\acute{\alpha}\sigma\theta\alpha\iota$, Hesych.), страх ($\mu\omicron\rho\mu\acute{\upsilon}\nu\epsilon\iota$ $\delta\epsilon\iota\nu\omicron\rho\iota\epsilon\iota$, Hesych., а $\delta\epsilon\iota\nu\omicron\rho\iota\epsilon\iota$ означает, в частности, «пользоваться устрашающими выражениями», Porph. Adv. chr. 30, ср. выше $\mu\omicron\rho\mu\upsilon\rho\epsilon\iota=\tau\alpha\rho\acute{\alpha}\sigma\sigma\epsilon\iota$). Кроме того, страх, вызываемый

бурным волнением воды или даже с ним отождествляемый, является, по-видимому, устойчивой коннотацией.

Лексемы другой группы, с преимущественной семантикой страха, как правило, имеют усеченную основу – *mor-* или *mur-* (хотя есть и полные формы: и *μόρμωρος* и *μωρμυράϊα*, по Гесихию, *страх*)¹³. К лексике, приведенной в примечании 13, мы хотели бы добавить те случаи, когда очевидны хтонические коннотации страха: *Мормо* – античная *Бука*, чудище, которым, как и *Ламией*, пугали детей¹⁴, может отождествляться с *Гекатой* (*Hippolyt. ref. haer. p. 73*), *Мормолика* – имя сказочной кормилицы *Ахеронта* (*Stob. ecl. I. 49, p. 419, 17–18 Meineke*), а место из *Ксенофонта* (*Xen. Hell. IV. 4, 17*), где говорится о воинах, боящихся *пелтастов*, как дети боятся *Мормон*, *Гесихий* поясняет следующим образом: «*мормоны* – это блуждающие демоны» (*πλάνητας δαίμονας*). В подобных страшных блуждающих демонах сравнительная этнология учит видеть что-нибудь наподобие душ заложных покойников.

Термин *μύρμηξ* или *μύρμος* – *муравей* – не имеет общепризнанной этимологии, хотя во многих индоевропейских языках, включая русский, это насекомое носит имя, которое может быть возведено к корню *mur-/mor-* (с различными огласовками). *Курциус* писал, что этот корень нигде не обнаруживает себя в глаголе, но можно было бы ожидать для него значение «роиться», и относил сюда же слово *μυρίοι*¹⁵. Соотнесение с *μυρίοι* представляется нам очень интересным, а относительно глагола мы позволим себе высказать далее свои предположения. Итак, *μυρίοι* обозначает очень большое число и специально 10 000. Такое значение не могло, конечно, быть исходным. Прежде чем стать числительным, слово характеризует не столько счетные множества, сколько «бессчетные», и вообще «объемы», как например, *μυρίοις ὄνος* – *огромный осел* (*Od. 15. 452*). Часто *μυρίοι* используется для описания неисчисляемых «количеств», так сказать псевдоколичеств и «объемов психики», психических состояний: сильной, «великой» скорби, боли, печали, траура (*II. I. 2, 18. 88, 20. 282, 24. 639*). *Шантрен* предполагает, что *μυρίοι* восходит к экспрессивному слову со значением «*vaste comme les flots de la mer*», и сравнивает *μυρίοι* с *μύρομαι*, *πλήμυρα*, *άλιμυρήεις*¹⁶. Таким образом, мы возвратились к семантике первой описанной нами группы, связанной с бурным движением и кипением воды. Возможно это и есть «следы» того глагола со значением «роиться», «кишеть», которого не доставало *Курциусу*¹⁷. Кишащее (кипящее, бурлящее) множество как внутренняя форма термина *мирмек* для обозначения мелких насекомых, живущих большими колониями, вполне понятна. Между тем это, видимо, не единственная реализация исследуемого семантического инварианта в форме *μύρμηξ*. Тем же словом назывались, кроме того, подводные скалы, скорее всего из-за кипения над ними *бурунов*. Правда,

Геродот (Hdt. 7. 183) говорит о конкретной скале, носящей имя Мирмек. Нельзя однако не заметить, что подводных камней с таким странным именем много (ср. Лус. 878, Plin. HN 5. 119: scopuli myrmeces); и, наконец, у Гесихия (s.v. μύρμηκας) мы находим то же слово уже в качестве не собственного, а нарицательного имени. Другое дело, что уже в античности родовое имя *мирмек* («кипун») для подводных камней могло осмысляться как индивидуальный топоним «Муравей» (так и современные переводчики античных авторов «узнают» в камнях-мирмеках Муравья). В скалах-мирмеках тем более нет нужды видеть «муравьев», что обозначение самого этого насекомого не привязано жестко к основе с суффиксом *эк-*. В дорийском диалекте *муравей* – это μύρμηδών, то же слово, а не производное от μύρμηξ, обозначает, по Гесихию, и *муравейник*. Наконец, у Ликофрона и *муравей*, и *подводная скала* – совсем не μύρμηξ, а μύρμος (176 и 890).

В то же время группа лексем с основой на тугтек обозначает психическое и физическое беспокойство, дрожь, зуд, обмирание, обморок от холода и испуга и всякого рода *мурашки*¹⁸. По нашему мнению, нет никакой необходимости считать, как это обычно делается, все эти слова производными от муравья-мирмека. Муравей и мирмек, мурашки и все эти дрожи, испуги и обмирания имеют общую семантику и общее происхождение, но нет нужды выводить ни мурашки из муравьев, ни муравьев из мурашек. Несчетное, кишашее, самодвижущееся множество... Добавим сюда уже знакомые нам коннотации страха – и без обращения к образу муравья получим в психофизическом аспекте зуд, *беспокойство*, *дрожь*, *раздражение*.

Итак, рассмотрев слова с корнем *мог-/туг-*, *могтуг-*, *могт-* и *тугт-*, мы можем попытаться вывести семантический инвариант для этих достаточно далеко разошедшихся терминов. Это кишашее множество, вызывающее страх или составляющее самое психическую «субстанцию» страха – дрожь, трепет. Субъективное (ощущение страха-дрожи) и объективное (внушающее страх мелкое движение неисчислимого, так сказать, «неквантитативного» множества) на известной стадии развития языка совпадают.

Воинственные, т. е. внушающие страх, мирмеки (ср. Фобос как божество войны), хтонические, подобные мирмекам (или мормонам? или мертвецам?), перволюди, как нам кажется, становятся понятнее на этом семантическом фоне.

Μύρμιδόνες – слово, образованное от рассмотренного нами корня при помощи суффикса *-дон-*. Если мирмидонцев считать племенем, то естественно искать, как это обычно делается, топонимические параллели: *-дон-* в *Македония*, в названиях гомеровских городов Амидон, Аспледон, Калидон, Анфедон. Но мы знаем, что это не этноним, и параллельное словообразование усматриваем в совершенно других группах слов. Прежде всего суффикс *-дон-* оказывается чрезвычайно продуктивен для слов, обозначающих роевых насекомых и сами эти рои и соты. Так образовано и μύρμηδών – *муравейник* и по-дорически

муравей (Hesych. s. v.), и такие термины, как ἀνθηρῶν, τ(ε)ρηῶν, πεμφρηῶν, τενηρῶν, σχαδῶν¹⁹. Но не только в словах, обозначающих такое конкретное множество существ, обнаруживается суффикс -don-. По-видимому, другой сферой его применения является создание абстрактных существительных, описывающих процесс, идущий в какой-то физической массе, или психическом пространстве, не членимом на части, но как бы протяженном. Таковы гниение (πυθεδῶν), порча и некроз (σηπεδῶν), разного рода воспламенение и разлитие сияния и блеска (τυφεδῶν, λαμπηδῶν, στιλβηδῶν, прηδῶν), таковы таяние, расточение (τηκεδῶν, ἔδηδῶν) и влажность ὑγρηδῶν); кроме того, это психические состояния или процессы, преимущественно отрицательные: боль, страдание ἀλγηδῶν, ἀκηχεδῶν, ἀχθηδῶν), печаль, заботы (μελεδῶν), расстройство (στρευγεδῶν), забвение (ληθηδῶν). «Между» роением пчел и сиянием или охватывающим душу страданием как переходный случай можно поместить облако пыли от конских копыт или войска (σηκεδῶν)²⁰. Известен по крайней мере один случай, когда слово такой модели стало олицетворением и именем мифического существа. Κηληδῶν – *разливающийся, раздающийся звук* – у Пиндара (Pind. Delph. paī. 8. 71) стало термином для Сирен (ср. Σειρηδῶν – поздняя форма для Сирены, Schol. II. 24. 253). Вторым случаем олицетворения могут быть наши Мирмидонцы. Аналогичный переход абстрактного существительного на -do-, -dinis в персонификацию демонстрирует лат. cupido (cupidinis) – *желание* в паре с Купидоном. Полной словообразовательной параллелью к μυρμιδονες является лат. formido (dinis) – *ужас* – образованное от родственного корня с помощью родственного суффикса²¹.

Теперь посмотрим, как представлены мирмидонцы в эпосе. Прежде всего мы уже видели, что слово не встречается в ед. числе. Мирмидонцы – это Pluralia tantum по внутренней форме слова. Причем в эпосе эта внутренняя форма слова как бы вынесена вовне и окружает мирмидонцев на всех уровнях текста. На уровне устойчивых словосочетаний – формула «со многими мирмидонцами» и «многие (многочисленные) мирмидонцы» (II. 16. 240, 21. 188, 23. 60, Od. II. 496 и др.), где определение тавтологически дублирует смысл определяемого. Кроме возницы Ахиллеса, пяти воевод и Патрокла, мы знаем по имени еще двух мирмидонцев, выступающих из общего строя только в момент своей гибели (Бафикл и Эпигей). В остальном мирмидонцы – это хор, стая, толпа, рой. Так строятся мизансцены поэмы: мирмидонцы играют роль хора вокруг Ахилла-протагониста, оплакивающего Патрокла (II. 18. 323; 355, 23. 60); шатры и корабли мирмидонцев «толпятся» кругом шатра Ахиллеса и защищают его (18. 69). В 16 песни «Илиады», где мирмидоняне – главная действующая сила, на пространстве каких-нибудь ста строк сосредоточены развернутые сравнения

мирмидонян с волками, стая которых кружит вокруг Ахиллеса, их тесного строя – со стеной из камней, пригнанных друг к другу; наконец, мирмидонцы «вытекают» из корабля, как из гнезда – рой потревоженных ос. Приведем эти образы-сравнения в переводе Гнедича:

Подобно как волки,
Хищные звери, у коих в сердцах беспредельная дерзость,
Кои оленя рогатого, в дебри нагорной повергнув,
Зверски терзают; у всех обагрованы кровию пасти;
После, стаю целой, к источнику черному рыщут;
Там языками их гибкими мутную воду потока
Локчут, рыгая кровь, поглощенную; в персях их бьется
неукротимое сердце, и всех их раздуты утробы, –
В брань таковы мирмидонян вожди и строители ратей
Реяли окрест Патрокла, слуги Эакида героя...

(155–160)

Крепче ряды их сгустились, выслушав царские речи.
Словно как стену строитель из плотно слагаемых камней
В строимом доме смыкает, в отпору насильственных ветров, –
Так шишаки и щиты меднобляшные сомкнуты были;
Щит со щитом, шишак с шишаком, человек с человеком
Плотно сходилась; касались светлыми бляхами шлемы
Зыблясь на воинах, – так мирмидоняне густо сомкнулись.

(210–217)

Быстро они высыпались вперед, как свирепые осы,
Подле дороги живущие, коих сердить приобькли
Дети, вседневно тревожа в жилищах их придорожных;
Юность безумная общее зло навлекает на многих;
Ежели их человек, путешественник, мимо идущий,
Тронет нечаянно, быстро крылатые с сердцем бесстрашным
Все высыпаются вдруг на защиту детей и домов их,
С сердцем и духом таким от своих кораблей мирмидонцы
Реяли в поле; воинственный крик их кругом раздавался.

(259–267)

Pluralis мирмидонцев не чисто грамматический, он, так сказать, «мифологичен»; он потому не предполагает единственного числа, что тут перед нами архаичная «единичная множественность», известная по низшей

демонологии, которая не отличает отдельной русалки от русалок, которой нельзя задать вопрос, сколько в лесу леших.

Традиция, объединившая мирмидонцев с подземными жителями, обладала не только лингвистическим слухом, но и мифологическим. Как уже было сказано, еще Кречмер увидел в мирмидонцах страшных призраков. Мы можем уточнить сегодня эти его догадки. Действительно, нерасчлененное и неопределенное множество, вызывающее ужас, – это подземные жители, «маны» преисподней (manes, как известно, тоже *pluralia tantum*). «Бесчисленные (μυρία) Керы», – говорит о подземных демонах смерти Симонид Аморгский (I. 20). Характеристики мирмидонцев в эпосе – их лютость, кровожадность, необоримость, браннолюбие – при отсутствии каких-либо других «национальных» черт также подсказывают, что перед нами демоны смерти, транскрибированные эпическим сознанием в воинственных мирмидонцев, подобно тому как «сказочное» сознание создало воинственных муравьев-мирмеков. В божестве Фобосе можно видеть параллельный мирмидонцам комплекс: войны, страха и демона смерти. В греческой низовой религии Фобос-Страх выступал не как персонифицированная абстракция – божество войны и спутник Ареса, но рядом с Атой и Мойрой, т. е. как загробное божество²².

После исследований, обобщенных и продолженных в сравнительно недавней работе Х. Хоммеля (см. наше примечание 2), мифологическая роль Ахилла как бога мертвых и царя преисподней может считаться доказанной. Нам хотелось бы здесь указать только на стаи птиц – служителей (θεράποντες, как и мирмидонцы) Ахилла в его святилище на острове Левке, отождествлявшемся в древности с обителью мертвых Островом блаженных. Источники называют разных птиц, но подчеркивают, как правило, их белизну (чайки, аисты и т. д.)²³. Птица как образ души – мифологическая универсалия, хорошо известная и для Греции²⁴. Но чтобы у нас не оставалось сомнений в подобии ратей мирмидонцев стаям загробных птиц, параллельная греческая легенда о святилище Диомеда, за которым также ухаживают в роли прислужников птицы, называет пернатых душами троянских сотоварищей Диомеда (Plin. HN X. 127).

Мучения исторической географии с локализацией Фтии тем понятнее, что мифологическая страна смерти, царство Ахилла, так же наложилась на реальную Фессалию, как загробные manes-мирмидоняне стали гарнизоном «пассионариев», набранным среди эллинов и ахейцев.

Толкуя мирмидонцев как *друзинников*, состоящих в основном из эллинов, жителей перечисленных в Каталоге городов, и пришлых отовсюду ахейцев, эпос вместе с тем сохраняет в своих образах и мифологическую семантику мирмидонцев – страшных демонов преисподней, «множественных дублеров», чья множественность самой собою тавтологически передает еще раз идею дублирования. Мифология двойника-друга описана О. М. Фрейденберг в ряде работ. Функция мифологического «двойника-друга» – идти в

преисподнюю за друга, быть его хтонической ипостасью, биться или умирать за него. И в бытовых и обрядовых формах, в колаках-льстецах и клиентеле, в шутах, в институте свиты и приближенных и в осмыслении этих институтов (имеющих, разумеется, и свой прагматический смысл) Фрейденберг обнаруживает следы мифологии двойника и «тени»: «...множественная свита друзей архаичней сольного друга, хотя во всей своей множественности она остается одновременно единичной, восходя по семантике к тотемистическому мышлению. Космическое мировоззрение дает себя однако чувствовать в образе царя, находящегося в окружении друзей, подобно солнцу, окруженному звездами»²⁵.

Эпос или сага сочетают «непонимание» мифологической семантики, рационализацию мифа, плоскую псевдоисторическую или даже бытовую трактовку с поразительной сохранностью мифологического образа во всей его внешней фактуре. Эта сохранность, эта косная бережность позволяет, с одной стороны, реконструировать миф научно по «рудиментам», с другой – создавать на фольклорном материале такие поэтические произведения, которые реактуализируют мифологическую семантику.

Список сокращений

- Aet. Аэтий Медик (Lib. 12, ed. G.A. Kostomiris, Paris, 1892)
Aisch. Prom. – Эсхил, «Прометей»
Ammon. – Аммоний, «Лексикон» (Ammonius De adfinium vocabulorum differentia, ed. Valkenaer, Lugduni Batav. 1739)
Apol. Rh. – Аполлоний Родосский, «Аргонавтика»
Apoll. – Аполлодор, «Мифологическая библиотека»
Arch. fr. (Diehl) – Архилох, Фрагменты (Anthologia Lyrica Graeca, ed. E.Diehl. Fasc. 3, Leipzig, 1964)
Archig. ap Philum. Ven. – Архиген Медик у Филумена Медика (Philumeni Medici De venenatis animalibus, ed. M. Wellmann, Berlin, 1908)
Arnob. – Арнобий, «Против язычников»
Aph. Av. – Аристофан, «Птицы»
Aph. Ra. – Аристофан, «Лягушки»
Aph. Thesm. – Аристофан, «Женщины на празднестве Фесмофорий»
Aph. Ach. – Аристофан, «Ахарняне»
Aph. Pax – Аристофан, «Мир»
Aph. Eq. – Аристофан, «Всадники»
Aph. fr. (Kock) – Аристофан, Фрагменты (Kock Th. Comicorum Atticorum Fragmenta. Vol. I–III., Leipzig, 1880–88).
Athen. – Афиней, «Пир софистов»
Call.Dian. – Каллимах, «Гимн к Артемиде»

- Call. Del. – Каллимах, «Гимн к острову Делосу»
 Chantraine – Cantraine P. Dictionaire étymologique de la langue grecque. P., 1968.
- Clem. Protr.(P) – Климент Александрийский, «Протрептик» (Ed. J. Potter, Oxf., 1715, пагинация Поттера используется в позднейших изданиях)
- Diod. – Диодор Сицилийский, «Историческая библиотека»
- Dion. – Дион Хрисостом, «Речи»
- Dion. Per. – Дионисий Перизэгета, «Описание ойкумены» (Dionysii Orbis Descriptio cum Eusthatii antiquae versiones Prisciani et R. Festi Avieni, ed. J.Hudson. Oxf. 1717)
- Dsc. – Диоскорид Медик (Dioscoridis Medici De materia medica, ed. M. Wellmann, Berlin, 1906–14)
- Erinn. in PSI 9.1090.51+11 (p.XII) – Эринна (?), Papiri greci e latini (Pubblicazioni della Società italiana per la ricerca dei papiri greci e latini in Egitto), Firenze 1912
- Etym. Magn. – «Большой этимологик»
- Eur. Andr. – Еврипид, «Андромаха»
- Eusth. ad Dion. Per. (Huds.) Евстафий, «Комментарий к Дионисию Перизегете», см. Dion. Per.
- Eusth., II. – Евстафий, «Комментарий к «Илиаде»»
- Gal. – Гален Медик (Galenī Medici Opera, ed. C.G.Kuhn, Leipzig, 182133; цитируется том и стр.)
- Gal. Protr. – Гален Медик, «Протрептик» (Galenī Scripta Minora. Ed. J. Marquardt. Leipzig, 1884.
- Harpoc. (Dind.) – Гарпократион Грамматик (Ed. W. Dindorf, Oxf., 1853)
- Hesych. – Гесихий, «Лексикон»
- Hdt. – Геродот, «История»
- Heliod. ap. Orib. – Гелиодор Медик у Орибазия (Ed. U. C. Bussemaker, C. Daremberg, 6 vols. P., 185176)
- Hesiod. Op. – Гесиод, «Труды и дни»
- Hesiod. fr. (Flach) – Гесиод, Фрагменты (Hesiodi Carmina, rec. C. Goettingius – J. Flach, Lipsiae, 1878)
- Hel. Aith. – Гелиодор, «Эфиопика»
- Hellan. FHG. – Гелланик (Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. I– V. P., 1841–70)
- Hipp. Ligu. – Гиппократ, «О применении жидкостей»
- Hippolyt. ref. haer. – Ипполит, «Опровержение ересей»
- Hug. fab. – Гигин, «Басни»
- II. – Гомер, «Илиада»
- Isid. Orig. – Исидор Севильский, «Этимологии»
- Luc. Philops. – Лукиан, «Любитель лжи»
- Lyc. – Ликофрон, «Александра»

- Maneph. – Манефон Астролог (Ed. H. Koechly. Leipzig, 1958)
- Meineke – Meineke A. *Fragmenta Comicoorum Graecorum*. Berlin, 1839– 57;
цитируется том и стр.
- Nonn. – Нонн Панополитанский, «О Дионисе»
- Od. – Гомер, «Одиссея»
- Orph. Arg. – «Орфическая Аргонавтика»
- Ovid. Met. – Овидий, «Метаморфозы»
- Ph. – Филон Иудейский (Ed. L. Cohn, P. Wendland. Berlin, 1896– 1915;
цитируется том и стр.)
- Phil. Heroic. (=Kayser) – Филострат, «Героик» (Flavius Philostratus. *Heroicus*, ed. L. De Lannoy. Leipzig, 1977 = *Philostrati Maioris Opera*, ed. C. L. Kayser. Leipzig, 1870, 1871)
- Phil. VA – Филострат Флавий, «Жизнь Аполлония Тианского»
- Phot. – Фотий, «Лексикон»
- Pind. Delph. pai. – Пиндар, «Дельфийский пэан» (фрагмент)
- Pind. Ol. – Пиндар, «Олимпийские оды»
- [Plat.] Axioch. – Псевдо-Платон, «Аксиох»
- Plat. Crit. – Платон, «Критон»
- Plat. Phaed. – Платон, «Федон»
- Plin. HN – Плиний Старший, «Естественная история»
- Poll. – Поллукс, «Ономастикон»
- Porph. Adv. chr. – Порфирий, «Против христиан»
- RE – Pauly's Realencyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft, neue Bearbeitung, beg. von G. Wissowa, hrsg. von W. Kroll. Stuttgart, 1895 –.
- Ruf. Syn. Puls. – Руф Медик (*Synopsis de pulsibus*, ed. C. Daremerg, C. E. Ruelle. P., 1879)
- Schol. Clem. Al. Protr.(P = Dind.) – Схолии к «Протрептику» Климента Александрийского (P – см. Clem. Protr.; Dind. – Ed. W. Dindorf. Oxf., 1869;
цитируется том и стр.)
- Schol. II – Схолии к «Илиаде» (*Scholia in Homeri Iliadem*, ed. W. Dindorf. 4 vols. Oxf., 1874; vols. 5–6 ed. E. Mass. Oxf., 1887–8).
- Schol. Luc. – Схолии к «Александре» Ликофрона
- Schol. Pind. Nem. – Схолии к «Немейским одам» Пиндара
- Scymn. – Скимн, «Периплы»
- Serv. Ad Aen. – Сервий, «Комментарий к «Энеиде»»
- Socr. ap. Arr. Epictet. – Сократ в передаче Аррианом Эпиктета (*Arrianus. Epicteti Dissertationes*, ed. H. Schenkl. Leipzig, 1894)
- Sophr. (Kaibel) – Софрон (*G. Kaibel, Comicoorum Graecorum Fragmenta. Vol. 1, fasc. 1. Berlin, 1899*)
- Stob. ecl. (Meineke) – Стобей, «Эклоги» (*Ioannis Stobaei Florilegium*, rec. A. Meineke. 4 vol. Lipsiae, 1855–57)
- Strabo – Страбон, «География»

Theag. FHG – Феаген (Fragmenta Historicorum Graecorum. Vol. I–V. P., 1841–70)

Thuc. – Фукидид, «История»

Tz. Luc. – Комментарий Иоанна Цеца к «Александр» Ликофрона

Xen. Hell. – Ксенофонт, «Греческая история»

Xen. Symp. – Ксенофонт, «Пир»

Примечания

¹ Kretschmer P. Mythische Namen. 1. Achill // Glotta. 1913. 4, S. 308.

² Хоммель Х. Ахилл-бог // Вестник древней истории. 1981. № 1, с. 53–76 (особенно 75).

³ Каждой гегемонии, т. е. господству вождя или группы вождей над определенной территорией, племенем и числом кораблей, в Каталоге соответствует отдельное описание, построенное по определенной схеме; такое описание мы называем секцией Каталога.

⁴ Ср. τοὺς в первой строке нашего отрывка и 493-й стих Каталога; ряд рукописей дает чтение: οἱ τ' αὐτοί. В этом же «направлении» и Зенодот исправлял начальную строку секции (его вариант: οἱ δ' Ἄργος εἶχον τὸ Πελασγικόν, οὐθαρ ἀρούρης), видимо, чтобы избежать грамматической несогласованности и необычности зачина.

⁵ Все секции Каталога построены по определенным правилам. Они имеют три типа зачинов: 1) именительный падеж антропонима в единственном числе (имя вождя); 2) родительный падеж множественного числа собственно этнонима или названия племени по городу или острову (в конструкции «их предводителем был имярек»); 3) местоимение в именительном падеже множественного числа οἱ + частица δέ (в конструкции типа: «одни населяли то-то, другие – то-то, третьи то-то, их предводителем был/их вел имярек»); в первых двух случаях перед существительным может быть также частица αὐτόρ. Секция Ахилла построена по третьему типу. Обычно составитель Каталога прибегал к третьему типу, если не мог использовать второй по просодическим параметрам, т. е. если родительный падеж множественного числа соответствующего этника не может начинать гексаметрическую строку. Между тем род. мн. Μυρμιδόνων свободно может начинать первую строку секции, но начинается последнюю именительный – Μυρμιδόνες.

⁶ См.: Брагинская Н. В., Леонов Д. Н. Титаресий, Стикс и Коцит (к интерпретации Каталога кораблей: «Илиада» II. 748–755) // Палеобалканистика и античность. М., 1989, с. 132–144.

⁷ Показательны проблемы, с которыми столкнулись археологи, безуспешно пытаясь локализовать вокруг Сперхея гомеровские города Пелея и Ахилла (см.: Simpson R. H., Lazenby J. F. The Kingdom of Peleus and Achilles // Antiquity. 1959. 33, p. 102 ff.).

⁸ Словом ἄστυ, обозначающим именно «посад», городское поселение, в «Одиссее» (4. 9) назван какой-то, по имени не обозначенный, но «славный» город мирмидонцев. О фатальной нелокализуемости Фтии см. также Bernet E. Phtia // RE XX, cols. 949 ff.; Simpson R. H., Lazenby J. F. Op.cit.; Allen Th. W. The Homeric Catalogue of Ships. Oxf., 1921, p. 108 ff.

⁹ Когда о вознице Ахилла, одном из мирмидонцев, Алкимедоне, говорится: «Кто же другой из ахейян подобен тебе в искусстве возницы» (II. 16. 475), речь явно идет о лучшем возничем во всем ахейском войске, а не о превосходстве Алкимедона только над своими соплеменниками в узком, «фессалийском», смысле слова.

¹⁰ Существует предположение, что греч. *θεράπων* является заимствованием из лувийского и родственно хеттскому *tarpanalli* как обозначению ритуального заместителя царя: *Van Brock N. Substitution rituelle // Revue Hettite et Asianique. 1959. XVII, p. 65*; в частности, автор ссылается на роль Патрокла как *терапона* Ахилла и умирающего за него заместителя, предполагая, что в этом эпизоде могла отразиться древнейшая семантика слова, засвидетельствованная в хеттских текстах. Пользуясь случаем, мы выражаем признательность В. Л. Цымбурскому как за указание на данную параллель и статью Брока, так и особенно за обсуждение настоящей работы в процессе ее написания.

¹¹ Фтия как страна мертвых выступает в известном пассаже из «Критона» (44 ab). Сократ рассказывает о сне, в котором ему явилась женщина и произнесла стих из «Илиады» (I. 363): «...на третий день придешь в многохолмную Фтию». Это означает для Сократа, что его казнь произойдет не ранее, чем на третий день. Однако несомненная игра на созвучии слов *Φθία* – *φθίμενοι* не означает еще их этимологического родства.

¹² *Chantraine*, p. 712.

¹³ *Μόρμη* – *пугающая, неприятная* (Hesych.), *μόρμοι* – *пустые страхи* (Hesych.); *μορμολύττομαι* (= *μορμоруζω*, Phot. = *μορμούσσομαι*, Call. Dian. 70, Call. Del. 297) – *пугать* (Arph. Av. 1245; Plat. Crit. 46 c; Xen. Symp. IV. 27), *μορμολύττεται* – *боится* (Hesych., ср. [Plat.] Axioch. 364 b), *μορμύνει* – *страшит* (Hesych.), *μορμύρει* – одно из значений также *страшит* (Hesych., см. выше о кипенье воды); *μορμωτός* (как производное от незасвидетельствованного глагола *μορμόω*) – *пугающий* (Luc. 342); *μορμωρός* – *жуткий, отвратительный* (Arph. Ra. 925); *μορμολυκείον* – *чудовище, страшило, пугало* (Arph. Thesm. 417, Plat. Phaed. 77 e, Socr. ap. Arr. Epictet. 2.1.15, Gal. Protr. 10), *μορμολυκεία* – *страшилища*, применяется к чудовищным трагическим и комическим маскам, которыми, например, украшен театр Диониса (Arph. fr. 131 Kock, ср. fr. 31), *μορμολυκτική* – *устрашающая* (Hesych.); *μορμολυκη*, *λυκα* = *μορμολυκείον* (Sophr. 9. Kaibel, Strabo 1.2.8), а также *μορμολυκία* (Phil. VA 4. 25) – «*нежить*» женского рода, *упырь* или *эмпуса*, сотворяющая морок красоты и пожирающая своих возлюбленных; *Μορμώ* или *Μορμών* – *чудище* женского рода, которым няни пугали детей так же, как Ламией [dub. in Erinn. in PSI 9.1090.51+11 (p. XII), Xen. Hell. IV. 4. 17, Luc. Philops. 2], в целом *пугало, устрашение* (Arph. Ach. 582, Arph. Pax 474, Arph. Eq. 693).

¹⁴ См. Luc. Philops. 2, Hesych. s.v.; ср. Arph. Ach. 582, Arph. Pax 474.

¹⁵ *Curtius G. Principles of Greek Etymology. 5 ed., L., 1886. V. II, p. 408 (338).*

¹⁶ *Chantraine*, p. 723.

¹⁷ Сознательно или нет, Курциус мог иметь в виду немецкий глагол *kribbeln* – «кишеть», и в то же время «зудеть», «чесаться» (ср. ein kribbeliges Gefühl – «мурашки»), семантика которого исключительно «подходит» для гипотетического греческого глагола, а как параллельный семантический комплекс подкрепляет наши дальнейшие рассуждения.

¹⁸ См. *Μορμηκία* – Hipp. Liqu. 4, Ph. 2. 225; Dsc. 1. 68, Heliod. ap. Orib. 45. 14. 1, Poll. 4, 195. *Νάρκη· μορμηκίασις, ὀκνηρία* (Hesych.), ср. Archig. ap. Philum. Ven. 14. 2, *μορμηκίζω* – Gal. 8. 553 al., Ruf. Syn. Puls. 8. 11, Aet. 12. 48. Ср. лат. *formica* и *formicatio* – *мурашки, нервный зуд*, *formicabilis pulsus* – *слабый и частый пульс*, *formico* – *ощущать нервную дрожь*.

¹⁹ См. *Schwyzler Ed. Griechische Grammatik. Bd. I. München, 1939, S. 529.*

²⁰ См. *Schwyzler, Op. cit., S. 530.*

²¹ Три группы латинских слов на form все имеют соответствия в греческих словах на morph-/мурм-/морм-: forma – morphē, formica – мурмех, и наконец, formidines – myrmidones. Остается неясным только -i- в μῦρμιδόνες. Те греческие слова на -don-, которые мы приводили выше, как правило, имеют соединительную гласную -i-. Фрицше и Ваничек также склоняются к родству корня в μῦρμηξ и μῦρμιδόνες (RE, s.v. Myrmidones, col.1111), несмотря на странность соединительного -i-.

²² См. *Deubner L.* Kleine Schriften zur klassischen Altertumskunde. Königstein, 1982, S. 263–264.

²³ См. *Толстой И.* Остров Белый и Таврика на Евксинском Понте. Пг., 1918, с. 6 (примечание 3), с. 21–22.

²⁴ См., например: *Weicker G.* Der Seelenvögel in der alten Literatur und Kunst. Lpz., 1902, S. 20 ff.

²⁵ См.: *Фрейденберг О. М.* Из догомеровской семантики. I 'друг'-'другой'-'дружина' // Академия наук – академику Н. Я. Марру. XLV. М.; Л., 1935, с. 386.